

ХАЛИЛ
ДЖИБРАН

Пророк

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Халиль Джибран

Пророк

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Джибран Х.

Пророк / Х. Джибран — «Азбука-Аттикус», — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-21451-4

Халил Джибран (1883–1931) – выдающийся ливанский и американский писатель, художник, философ и поэт, автор удивительной книги «Пророк», благодаря которой он стал самым популярным арабским писателем в мире. Это короткое и вместе с тем масштабное произведение, созданное в виде притчи, охватывает все важнейшие формы жизни человека и находит путь к сердцу каждого читателя, независимо от возраста, национальности или вероисповедания. Создав замечательной красоты поэтический эпос о проповедях Альмустафы, пророка Нового времени, призывающего людей к обретению духовной свободы и высшей гармонии, Халил Джибран обеспечил себе литературное бессмертие и славу одного из величайших эзотерических авторов двадцатого века.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-389-21451-4

© Джибран Х.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Так говорил Джибран	6
Приход корабля	9
О любви	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

جبران خليل جبران

Халил Джигбран

Пророк

© С. Э. Таск, статья, перевод, 2008

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Так говорил Джибран

Великие книги пишутся *вопреки*. Вопреки всему. Житейской логике, эпохе, обстоятельствам. Они пишутся по одной простой причине – так было угодно небесам. В этой предопределенности слышится поступь Командора. Смертный бросает вызов вечности. И начинается отсчет недель, часов, минут...

К главной книге своей жизни Халил Джибран (1883–1931) шел тридцать семь лет. Все, что им было сказано *до* и будет сказано *после*, – это горная гряда вокруг одинокой вершины. Велико искушение так высоко забраться, но расплата неотвратима. На своем чествовании в 1929 году он разрыдался: «Это трагедия. Я утратил свой природный дар... Я не способен писать, как когда-то».

Что остается Моисею, который поднялся на Синай и говорил с Богом? Только разбить скрижали. А в Землю обетованную спустя сорок лет войдут другие.

О Джибране известно и много, и мало. Считаая любопытство большим пороком, в разговорах о себе он либо отмалчивался, либо слегка расцвечивал свою биографию. Он называл это «креативной правдой». И пояснял: если вы спросите у араба, чем он поужинал, то в ответ можете услышать «нектаром и пищей небесной», хотя на самом деле все ограничилось картошкой или бобами. Но ваш собеседник не солгал, просто таким образом он вышел из затруднительного положения, в которое вы его поставили. Джибран мог сказать, что он родился в Бомбее или что Роден при встрече назвал его величайшим поэтом, но эта невинная провокация преследовала вполне серьезную цель: думайте своей головой, ищите ответы в творчестве, а не в сенсационных «фактах». Давайте же ограничимся более или менее достоверными свидетельствами.

Вся жизнь Джибрана была преодолением. Он родился у подножия горы Ливан, на территории Сирии, и до двенадцати лет, запрокинув голову, смотрел на недостижимую снежную макушку. На что рассчитывал сирийский мальчик из деревушки Бешарри? Какие слова вознамерился сказать миру юный мистик из секты христиан-маронитов, производивший свою родовую фамилию от арабского корня *jebr* или *aljebra*? До ответа пока далеко. Сначала надо было пережить семейный позор (отец получил срок за финансовые махинации). Бегство в Америку. Нищету в арабском квартале Бостона. Смерть младшей сестры и матери. Свое изгойство в новой культуре. На его счастье, нашлись люди, разглядевшие в юноше таланты – прежде всего рисовальщика. Одно имя по крайней мере должно быть названо: Мэри Хаскелл, учительница по профессии. На протяжении семнадцати лет она безвозмездно ссужала Джибрана деньгами, снимала для него студии в Нью-Йорке, оплатила его стажировку в Париже, помогла ему освоить английский язык и, наконец, отредактировала его первые книги, включая «Пророка». Этой женщине, которая даже не была с ним близка, он завещал полтора десятка рисунков и... свое сердце. (Тело, согласно его воле, будет предано земле в родной деревне.) Без этого проводника-шерпа не состоялось бы великое восхождение. Или лучше так: кому-то было угодно, чтобы Мэри помогла ему взойти на вершину.

В этом хрупком с виду юноше была сила травы, пробивающей асфальт. Как художник он возжелал ни много ни мало нарисовать портреты всех знаменитых современников – и отчасти преуспел. В его галерее, среди прочих, Юнг, Йейтс, Сара Бернар, Джузеппе Гарибальди. Как писатель он мечтал создать произведение, абсолютное в своей завершенности, своего рода новую Библию. А как человек... он признался Мэри, что с удовольствием бросил бы живопись и литературу ради Учительства. «Пророк» потерял кавычки.

Альмустафа напрямую не связан ни с Кораном, ни с Библией, хотя соблазнительно провести параллели с образом Христа. Это пророк нового времени, чьи слова должны были предотвратить холокост и остановить лихих парней с «Индианаполиса», сбросивших «Малыша» на

Хиросиму. Оставалось только эти слова услышать, но со слухом у потомков Адама и Евы, как известно, всегда были проблемы.

Для осуществления столь дерзкого замысла мало в совершенстве овладеть языком Шекспира, которого, вместе со Священным Писанием и современными классиками, он постоянно штудировал. Тут нужен особый строй мыслей, особое внутреннее состояние. Рассуждая о преступлении и наказании (так называется одна из глав его поэмы, над которой он в тот момент трудился), Джибран признается: «Этот предмет мне весьма близок. Я не могу отделить себя от преступника. Когда читаю о какой-нибудь подделке, то чувствую себя фальсификатором; читаю об убийстве – чувствую себя убийцей. Если один из нас совершает какое-то действие, мы все его совершаем, и то, что делает все человечество, делает каждый из нас». В психологии это называется *эмпатия* – умение полностью отождествить себя с другим. Трудно сказать, был ли знаком Джибран с эпистолярным наследием Джона Китса, чьи стихи он высоко ценил, но именно это состояние описывал рано ушедший английский гений в одном из своих писем.

Если тотальная любовь и абсолютная гармония со всем сущим – две доминанты поэмы Джибрана – позволяют возвести генеалогию «Пророка» к Песни песней, особо чтимой на Ближнем Востоке, то мудрое приятие жизни и смерти, а также весомость каждого слова роднят поэму с другой книгой царя Соломона – «Притчами». Стилизуя свою вещь с оглядкой на библейские образцы, вводя покрытую патиной времени лексику и устаревшие грамматические обороты, автор, однако же, был серьезно озабочен соблюдением меры. В письмах Джибрана то и дело звучит лейтмотив: не слишком ли архаичен и книжен мой английский язык? Насколько ему удалось избежать тяжеловесного стиля, равно как и назидательного тона («нет ли здесь налета проповеди?»), как говорится, судить читателю.

Еще один важный литературный ориентир – «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, хотя тут уместнее говорить не о сближениях, а об отталкивании. Восхищаясь языком своего немецкого предшественника, Джибран принципиально расходится с ним в мировоззрении. Заратустра – поджигатель и разрушитель; Альмустафа – строитель и созидатель. Первый в ожидании преображения живет анахоретом в пещере, второй – среди людей, тесно общаясь с ними, путеводя их. Заратустра ищет и находит в человеческом роде исключительно слабости; Альмустафа выявляет и всячески подчеркивает его силу. Бог одного мертв, тогда как Бог другого жив и прекрасен. Однако есть и несомненные параллели. Например, в трактовке состояния современного человека и пути его духовного возрождения. Согласно Заратустре, сверхчеловек (*Übermensch*) должен победить человека, который, в свою очередь, победил в себе обезьяну. Ту же, в сущности, триаду – человек-великан (*the vast man*), человек, пигмей – находим у Джибрана. Сходным образом оба используют *танец* как метафору божественного начала и символ обновления. Но не будем утомлять читателя перечислением формальных заимствований, вольных или невольных. Принципиально другое: Джибран – не философ, а визионер, его мир – сугубо поэтический, на чем он сам настаивает. Вот характерная обмолвка: «У него [Ницше] аналитический ум... а аналитический ум слишком много говорит».

Чуткий к языку и всегда дотошный в работе над текстом, Джибран вместе с тем не был пуристом. В созданном им литературном кружке «Аррабитах», объединившем сирийских писателей Нью-Йорка, держались таких заповедей: «Если не существует слова для выражения вашей идеи, позаимствуйте или изобретите его... Если вам нужно употребить свежий оборот, а синтаксис этому препятствует – долой синтаксис...». Переводчику Джибрана, которому предстоит разгадывать хитроумные головоломки и решать неразрешимые задачи, прежде чем приступить к делу, стоит вооружиться этими заповедями.

После «Пророка» из-под пера Джибрана вышло еще около десятка книг: афоризмы, притчи, стихотворения в прозе и стоящее особняком – вослед Ренану – жизнеописание Иисуса. Но если вернуться к вопросу о духовном, если не творческом кризисе, пережитом им после создания его *opus magnum*, то интерес для нас представляет прежде всего... ненаписанная

вещь. В третьей книге об Альмустафе (вторая, «Сад Пророка», увидела свет в 1933 году) герой, по замыслу автора, возвращается в Орфалес, где его сначала бросают в тюрьму, а затем толпа забивает его камнями на площади... Светлое пророчество не было услышано. Умерло пшеничное зерно, павшее в землю.

Впрочем, что бы сам Джибран ни говорил о своем творческом кризисе, слава «ближневосточного Тагора» как в Америке, так и на его родине росла стремительно и желающих идти за новым мессией день ото дня прибавлялось. Период затянувшегося отшельничества оборвался с пугающей внезапностью. Публичные лекции, чтения, светские мероприятия. Письма прозелитов, желавших «просвещения» и «благословения». Не отставали и критики. Появились неологизмы: *джибранит* – новый человек... *джибранизм* – философия полной свободы и непредвзятый взгляд на человека и социальные явления. Справляться с агрессивным натиском внешнего мира становилось все труднее, а тут еще участились болевые приступы... Последние слова Халила Джибрана: «Не волнуйтесь. Все хорошо».

Сергей Таск

Приход корабля

Альмустафа, избранник и возлюбленный Божий, провозвестник нового дня, ждал в городе Орфалесе долгие двенадцать лет, когда вернется корабль и заберет его на остров, где он был рожден.

И на двенадцатый год седьмого дня месяца Иелула, месяца жатвы, взошел он на холм, возвышавшийся за городской стеной, и обратил взор свой к морю, и увидел корабль, надвигавшийся вместе с туманом.

Тогда врата его сердца распахнулись, и радость его полетела над морем. И закрыл он глаза, и молился в безмолвии души своей.

Но когда спускался он с холма, им овладела печаль, и подумал он в сердце своем:

«Уеду ли я отсюда умирный и беспечальный? Нет, с уязвленным духом оставляю я этот город.

Долгими были дни боли и ночи сиротства, проведенные в его стенах; а кому дано расстаться со своей болью и сиротством без сожалений?

Часть души моей осталась на этих улицах, возлюбленные чада мои невинные блуждают среди холмов, и я покидаю их с тяжелым сердцем и болью.

Не одежды сбрасываю я сегодня, но собственную кожу своими руками с себя сдираю.

Не раздумья оставляю я здесь, но сердце, сладко ноющее от голода и жажды.

А все же медлить нельзя.

Море, которое зовет в свои объятия все сущее, призвало меня, и я должен взойти на корабль.

Ибо остаться, как бы ни горел каждый час светильником в ночи, значит застыть, превратиться в глыбу льда.

Тщетно пытаться забрать все это с собой. Как я это сделаю?

Не может голос унести с собой язык и губы, давшие ему крылья. В одиночестве будет он рваться в эфир.

Как орел, оставив внизу гнездо, в одиночестве воспарит к солнцу».

И когда достиг он подножия холма, то вновь обратил к морю взор свой и увидел, как корабль входит в гавань, и увидел на носу корабля мореходов, своих соплеменников.

И душа его воззвала к ним, и он сказал:
«Сыновья моей праматери, покорители морских зыбей,
Сколько раз видел я вас бороздящими моря, но то был сон, а ныне явь, которая есть еще более глубокий сон.
Я готов, паруса мои подняты и только ждут, когда их наполнит ветер.
В последний раз наберу в легкие этот недвижный воздух, в последний раз с любовью обернусь назад,
И займу место рядом с вами, мореход среди мореходов.
И к тебе я взываю, безбрежное море, бессонная мать,
В чьих объятиях реки обретают покой и свободу:
Позволь мне насладиться последней излучиной реки, последним шепотом роши,
И я вольюсь в тебя, безмерная капля в безмерный океан».

И он увидел, как всюду мужчины и женщины оставляют свои поля и виноградники и спешат к городским воротам,
И услышал, как они выкликают его имя и громко сообщают друг другу о приплывшем корабле.

И сказал он себе:
«Не станет ли день расставания днем великого стечения народа
И не обернется ли мой закат новой зарей?
И что скажу тому, кто бросил свой плуг в борозде, и тому, кто оставил свою давяльную?
Будет ли сердце мое деревом, обремененным плодами, которые соберу и раздам,
И желания мои – живой водой, коей наполню их чаши?
Арфа ли я, чьи струны перебирает Всемогущий, или флейта, одушевляемая Его дыханием?
Я, взыскующий безмолвия, какие нашел в нем сокровища, чтобы щедро делиться ими?
Если се день моей жатвы, где те поля, что я засеял, и почему память не сохранила даже времени года?
Воистину, если пробил мой час поднять светильник, то не мною он будет зажжен.
Пустым и темным подниму я свой светильник,
И страж ночи наполнит его маслом и затеплит огонь».

Он высказал это словами, но главное в его сердце осталось недосказанным. Ибо он и сам не мог изречь своей сокровенной тайны.

И когда он вошел в город, люди устремились ему навстречу и все как один воззвали к нему.

И выступили вперед старейшины города и сказали:

«Не спеши уходить от нас.

Полднем ты был в наших сумерках, и молодостью твоей питались наши сновидения.

Не чужестранец ты среди нас и не гость, но сын возлюбленный.

Не утомились еще очи наши, жаждущие тебя видеть».

А жрецы и жрицы сказали ему:

«Да не разделят нас моря, и годы, что ты провел с нами, да не отойдут в воспоминания.

Дух твой бродил среди нас, и тень твоя озаряла наши лица.

Крепко любили мы тебя, но безмолвна была наша любовь, сокрытая покровами.

Но сейчас во весь голос кричит она о себе, и вся она открывается пред тобой.

Во все времена не ведала любовь, сколь она глубока, до часа разлуки».

И приходили другие и тоже увещевали его. Но он им не отвечал, а только склонял голову, и стоящие рядом видели бегущие по его лицу слезы.

Люди же, и он вместе с ними, направлялись к большой площади перед храмом.

И вышла из святилища женщина по имени Альмитра, ясновидящая.

И взглянул он на нее с особой нежностью, ибо она первая поверила в него, когда он только пришел в город.

И она приветствовала его, говоря:

«Пророк Господень, взыскующий высшей истины, давно уже высматривал ты вдали свой корабль.

И вот он здесь, и ты должен отплыть.

Всем сердцем стремишься ты к земле своих воспоминаний, к обители своей великой мечты, и не нашей любви привязать тебя, и не нашей нужде удержать тебя.

Но прежде чем ты нас покинешь, обратись к нам с последним словом и поделись своей мудростью.

Мы передадим ее нашим детям, а те своим детям, и она не канет в вечность.

Одиноким, присматривал ты за нашими буднями; бодрствующий, прислушивался к тому, как во сне мы смеемся и плачем.

Так покажи нам самих себя и поведай, что открылось тебе, все, что ни есть между рождением и смертью».

И он ответил:

«Жители Орфалеса, о чем еще я могу говорить, кроме как о том, что в эту минуту волнует ваши души?»

О любви

Тогда попросила Альмитра: «Скажи нам о любви». И он обвел взглядом толпу людей, и воцарилось среди них молчание. И громким голосом сказал он так:

«Когда любовь призовет вас, идите за ней,
Хотя стезя ее крута и не сулит легкой прогулки.
И когда ее крылья объемлют вас, отдайтесь ее объятиям,
Хотя спрятанное в оперении острое может ранить вас.
И когда она заговорит с вами, отнеситесь к ее словам с доверием,
Хотя голос ее может развеять ваши мечты в клочья, как северный ветер опустошает сад.

Любовь коронует, но она же и распинает. Она взрастит, но она же и ограничит.
Она проникнет в крону и погладит нежнейшие побеги, трепещущие в лучах солнца,
Но она же спустится к корням и вздыбит под ними землю.

Охаживает, как пшеницу, собирает она вас,
Обмолачивает, пока не останетесь нагими,
Отвеивает мякину,
Перетирает в муку до белизны,
Месит вас, пока не сделаетесь податливыми,
И предает сакральному огню, дабы превратить в хлеб для Святого причастия.

Все это любовь сотворит с вами, дабы познали вы тайны сердца своего и с этим знанием стали частицей великого сердца Жизни.

Но если убоитесь и будете искать в любви одной лишь неги и удовольствий,
То лучше прикройте наготу свою и удалитесь от ее цепов
В мир, где нет времен года и где будет ваш смех не смех и ваши слезы не слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.